

Не жалко

Когда-то просящих милостыню нищих можно было увидеть лишь изредка – где-нибудь возле церкви, на кладбище, как бы в специально отведённых для них местах. Теперь же они сплошь и всюду – в троллейбусах, в подземных переходах, у дверей магазинов, на каждом углу. “А так жалко? – И так не жалко”, – вспоминается диалог героинь Ахеджаковой и Волковой из рязановского фильма “Небеса обетованные”. Не жалко их. Не хочется подать. Рука устанет, не говоря уже о деньгах: это уже называется не подавать, а отдавать.

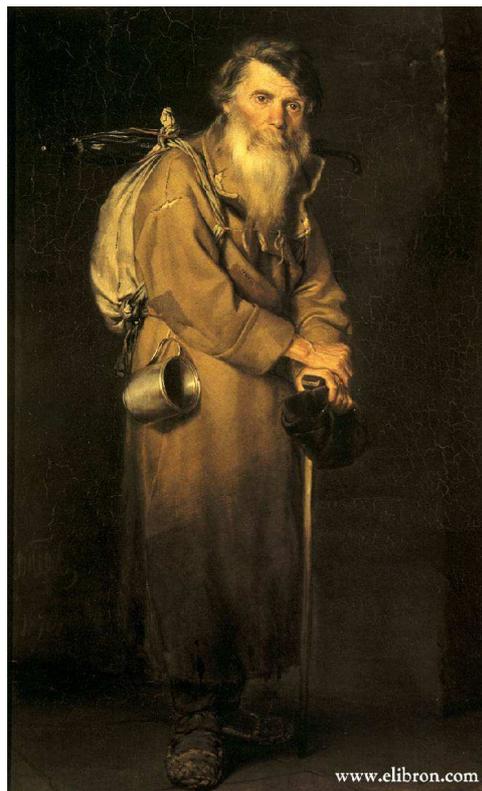
Что случилось с душой? Со страной? Нищие стали неотъемлемой частью пейзажа, уличного интерьера. Они стали профессиональней, машинальней, привычней, и не надрывают, как прежде, глаз и сердце. Раньше, когда подавала, это всегда было вызвано каким-то порывом, чувством сострадания к просившему. В памяти всплывала Марфенька из “Обсерватории в дюнах” Мухиной-Петринской (книжка, которой зачитывалась в детстве), не смогшая пройти мимо просившей милостыню Христины, и не только подавшая, но и приютившая её в своём доме, обретя в ней впоследствии верного, преданного друга. Этот эпизод в книге на меня произвёл тогда такое сильное впечатление, что я долго пытливо вглядывалась в лица попадавшихся

мне нищих, ища среди них свою Христину. А когда читала “Оливера Твиста”, захлёбывалась слезами от жалости к бедному мальчику, сладко мечтая найти такого голодного ребёнка и осчастливить вкусной едой.

...а я его кормлю
огромной сладостью! И плачу, –

писала Б. Ахмадулина, мучительно сострадав голодавшему Мандельштаму, и мне очень близки были эти её стихи. Помню, как позже поразили строки Рильке из стихотворения “Нищий”:

В толпу ты всмотрелся едва ли.
В них нищих приезжий гость
увидел. Они продавали
ладоней пустую горсть.

В. Перов. "Нищий"

И другие, его же:

Помнишь – лишь оглянешься назад,
и они стоят в вечерней стуже
со своей улыбкой неуклюжей,
словно выкроенной из заплат.

И рука искривленной корягой
тянется к тебе, как в забытьи,
словно хочет обернуть бумагой
руки неизмятые твои.

(“Одна из старух”)

Нищий... Почём твоё горе, твои слёзы? Что ты протягиваешь нам в грубых замурзанных ладонях? Свою пропащую, бросовую жизнь? Бывает, что вид приевшейся взгляду унылой фигуры вдруг кольнёт полузабытой болью, заставит с полдороги вернуться, сунуть в руку последний двушник. У Аделаиды Герцык есть эссе “Нищая”, где она описывает вот такую погоню за нищей, которой не подала сначала, а потом совесть и страх небесного возмездия погнали её обратно, вдогонку уже ушедшей попрошайке. “И в успокоенной душе наступил мир”, – пишет она.

У меня был один приятель в юности, который ненавидел нищих и принципиально никогда им не подавал. Когда он однажды застал меня за этим занятием, то разразился гневным саркастическим монологом, после чего мы надолго поссорились и в итоге расстались. Другая довольно распространённая позиция: неважно, подлинная беда вынуждает человека просить или это пьяница, бездельник, шарлатан, играющий на сердобольных струнах сердец прохожих, сам виновный в своём нынешнем положении. Неважно, потому что это подаяние не ему, а Богу. Эта позиция мне так же чужда, как и первая, так как в её основе лежит безразличие к человеку, к его судьбе, а есть некое самолюбование, упоение своим благородным поступком, стремление поставить “галочку” в своём духовном регистре. Ведь не нищую пожалела опомнившаяся Герцк, а испугалась: если не подам, на меня, на моих близких падёт кара. Не желание помочь, а желание откупиться, вернуть себе нарушенный мир погнажи её назад. Не христианкой была душа, а тёмной язычницей. Это было неосознанное стремление задобрить неведомую силу, защитить себя от грядущего. Поэтому в этих подаяниях всегда есть что-то постыдно эгоистичное, трусливо равнодушное: на, только не тревожь мою душу, мою совесть, не посягай на моё душевное спокойствие.

У Надежды Шаховской есть стихотворение, которое мне очень близко своим ощущением этой ситуации:

Как больно душе: до озноба, до дрожи,
когда подаяние просит прохожий,
когда тебе руку протянет просяще
иль рядом поставит потрёпанный ящик.

Нельзя осчастливить всех сырых, убогих,
не вырастут снова у мальчика ноги,
но корчится в муке душа, сознавая,
что не откупилась она, подавая.

Шаховская не верующая, но это отношение я бы назвала истинно христианским.